

ЗНАМЕНИТОЕ «ПАДАМ-ПАДАМ» ПРИНОСИТ ДИВИДЕНДЫ МУЗЫКАНТАМ В ПАРИЖСКИ И В ТУЛЬСКИХ ЭЛЕКТРИЧКАХ — ЭДИТ ПИАФ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 90 ТРЕХМЕТРОВУЮ БРОНЗОВУЮ СКУЛЬПТУРУ ГЕНРИ МУРА ПОГРУЗИЛИ НА ГРУЗОВИК И УВЕЗЛИ

Известия - 2005 - 19 дек - с. 14

Рычащий воробей

Сегодня 90 лет со дня рождения Эдит Пиаф

Илья Кухаренко

Почему все повторяют, что она была некрасивая? Огромные глаза, большие и яркие губы, бровки ниточками, как у подружки Марлен, точеная фигура, которой так шло маленькое и черное... Только откройте интернет — мировая паутина кишит актрисами и актрисками, певицами и певичками, которые из кожи вон лезут, только чтобы походить на замарашку и пигалицу с улицы Бельвилль. И так же как все поющие «под Вертинского» старательно картавят, все эпигоны Пиаф рычат гортанным марсельским «р-р-р», между тем как она потратила месяцы, чтобы отучить от этого провинциального акцента одного из своих любовников и протеже — Ива Монтана.

Знаменитое пиафовское «Падам-падам», в вольном переложении для аккордеона у них, для баяна — у нас, с равным успехом приносит дивиденды музыкантам, что в парижских, что в тульских электричках. А играют этот кровавый вальсок что у нас, что в Париже аккурат между «Дорогой длиною» и «Очами черными».

Целое поколение россиян выучило английский по песням «Битлз», а франкофоны росли на песнях Пиаф, старательно переводя весьма соленые тексты Раймона Ассо, Анри Конте или самой Пиаф, а потом

на экзаменах по фонетике лихо «ни о чем не жалели» или приглашали милордов расстрелять грусть-тоску под аккомпанемент раздолбанной университетской пианины.

И даже в основе высоколобой монооперы Пуленка «Человеческий голос», в которой некогда блистала у нас Галина Вишневская, — небольшая пьеса, которую преданный друг Жан Кокто написал для Эдит Пиаф. А спустя несколько лет Кокто умер практически сразу после того, как узнал, что не стало Эдит Пиаф.

Ей исполнилось бы сегодня девяносто. Если бы ее девизом не была фраза: «Жизнь — это лучшее орудие самоубийства», возможно, сейчас она давала бы интервью по Euronews, а в парижской Орега или знаменитом зале казино «Олимпия» для нее пели бы Шарль Азнавур, Мирей Матье и Патрисия Каас. Но она шагнула на эстраду в недовязанном платье, прямо с парижских улиц и так и не привыкла жить без алкоголя и наркотиков. Каждый любовный разрыв или смерть друзей и возлюбленных лишь увеличивали дозу. Потому вот уже 42 года она лежит на кладбище Пер-Лашез в обнимку со своим последним мужем — молодым и искренне влюбленным в нее греком Тео Сарапо, который пережил Пиаф всего на семь лет, погибнув в автокатастрофе.